

«Музыкальные инструменты, изготовленные на фабричных станках при помощи новейших расчетов и технологии,— утверждает Р. Л. Садоков,— обладают большими акустическими и выразительными возможностями, чем кустарные» (стр. 16). Но это утверждение не всегда верно: «фабричные станки» и «новейшие расчеты» еще не определяют сами по себе качества музыкального инструмента. Известно, что скрипки итальянских мастеров XVI—XVII вв. (Амати, Страдивари) остаются и в наши дни непревзойденными по своим звуковым качествам. А ведь изготовлены они тоже «кустарным» способом. Вряд ли стоит также приветствовать замену гиджака скрипкой, ибо, идя по такому пути, легко можно прийти к полной замене местных народных инструментов общеевропейскими, что вряд ли будет способствовать сохранению своеобразия национальных музыкальных культур народов Советского Востока.

Т. С. Вызго, Г. А. Пугаченкова

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Migracije stanovništva Jugoslavije. Institut društvenih Nauka. Beograd, 1971.

Центр демографических исследований, входящий в состав белградского Института общественных наук, издал очень обстоятельную коллективную монографию о миграционных процессах в Югославии за послевоенное время¹. Книга написана на основании анализа материалов переписей 1948, 1953 и 1961 годов. Широко использованы также и литературные данные, результаты различных специальных социальных, демографических и экономических обследований и другие материалы. В Югославии многонациональный состав населения. В больших масштабах происходят в ней миграции, которые сопрягаются с активно протекающими этническими процессами. Изучение направления и характера миграций поможет пониманию всей этнической ситуации в стране. Поэтому монография «Миграции населения Югославии» представляет значительный интерес и для этнографов. Ниже дается общее представление о монографии и специально рассматриваются затронутые в ней этногеографические моменты.

Введение содержит обстоятельный обзор литературы, начиная с классических трудов И. Цвинича и кончая новейшими (60-х гг.) работами Д. Брежника, Д. Костица, М. Мацуры, М. Радовановича и других современных югославских ученых. В первой части книги характеризуется методика, применявшаяся при переписях для определения объема миграций и контроля выводов методом миграционного сальдо.

В книге отмечены все зарегистрированные в переписи случаи, когда тот или иной человек проживал не там, где он родился (в другом населенном пункте той же округи, в другой округе той же республики, в другой республике, за границей).

Во второй части объем послевоенных миграций сравнивается с объемом миграций, установленным по переписи 1931 г. Тогда лишь каждый пятый человек в Югославии жил не там, где родился, а по переписи 1961 г.— 37,8% жителей страны. По отдельным республикам доля лиц, не сменивших с момента рождения места жительства, сильно колебалась (от 46,9% — в Словении до 72,4% — в Боснии и Герцеговине). В республике Сербии (взятой в целом) эта доля составляла 61,9%, в то время как для Воеводины, куда шел значительный миграционный поток,— только 58,6%.

Сопоставление числа лиц, родившихся в других местах, с расстояниями от мест рождения и с причинами их переселения, показало преобладание экономических мотивов в миграциях вообще и особенно явственно в дальних миграциях (в том числе межреспубликанских). В ближних миграциях велика роль семейных и других внеэкономических мотивов.

Значительна притягательная сила городов (по стране в целом местные уроженцы в 1961 г. составили в городах лишь 41,1% их населения, особенно низка была их доля в городах Хорватии — 37,5%, выше всего в городах Македонии — 49,3% и сербской области Косово — 60,8%).

В этом же разделе монографии характеризуются маятниковые миграции и, к сожалению, чересчур кратко рассмотрен феномен зарубежной эмиграции (данные текущей статистики доведены до 1966 г.).

В третьей части говорится о самих миграционных потоках внутри Югославии и выделяются показатели миграционного сальдо для всех ее республик и районов 2-го порядка. Устойчивым положительным сальдо выделяется Сербия (хотя она имеет и значительный «встречный» миграционный отток). Интенсивны межреспубликанские миграции в Черногории, Боснии и Герцеговине. Проводится также анализ переселений внутри республик. Четвертая часть посвящена качественным характеристикам населения (половозрастной структуре, образовательному уровню, некоторым экономическим пока-

¹ Авторами ее являются: Д. Брежник, И. Гинич, М. Лалавич, М. Ранчич, М. Рашович, М. Сентич.

зателям). В особом разделе говорится об этнической принадлежности мигрантов. В пятой части показана связь интенсивности миграций с типами тех населенных пунктов, где формировались потоки мигрантов. В шестой части исследуются факторы миграций (как демографические, так и экономические); это позволяет поставить вопрос о прогнозировании миграций. Здесь же обоснованы и примененные приемы многофакторного математического анализа миграций.

В седьмой части и в заключении миграции оцениваются с точки зрения перераспределения населения между городом и сельской местностью, говорится о значении этнически смешанных браков и их влиянии на естественное движение населения и т. д. Причем, приведены не только данные, вытекающие из переписи 1961 г., ряды цифр доведены до 1966 г.; сделаны также и прогнозные демографические расчеты на 1966—1986 гг.

К монографии приложены обстоятельная библиография и подробное резюме на английском и французском языках.

Специальный раздел об этнических показателях миграционных потоков, написанный д-ром Иванкой Гинич (стр. 206—236), непосредственно построен на материалах переписей (главным образом переписи 1961 г.), которые рассмотрены в тесной связи с историей миграций в стране, вызванных теми или иными социально-историческими причинами: стягиванием подвергавшегося турецким гонениям славянского населения (особенно с Динарского побережья) в междуречье Дрины и Моравы, колонизацией венгров, немцами, румынами, словаками северных территорий — Словении, Вечки, Ванта. Перепись 1953 г. показала, что для 65,7% населения страны пункт, где оно было переписано, совпадал с местом рождения; из основных народов Югославии от этой средней величины существенно отличались словенцы (50,5%) и черногорцы (58,7%); для них характерной была более высокая подвижность. Заметно меньшей подвижностью отличались «мусульмане» и «югославы неопределившиеся». Этими терминами югославская статистика обозначает в основном коренных жителей Боснии и Герцеговины, принявших в свое время ислам; среди них в местах рождения жило 75,3% (стр. 208).

Основная характеристика «текущих» миграционных потоков в этническом аспекте дана по результатам переписи 1961 г. «Показатель устойчивости места жительства», по сравнению с 1953 г. снизился до 62,9%, т. е. на 2,8%; ниже всего он был для республик Словении и областей Воеводина (соответственно 52,6% и 54,3%), выше всего — для Боснии и Герцеговины и области Косово (72,3% и 70,4%). Межреспубликанские миграции охватили более 1 млн. чел. Особенно много уроженцев других республик переселилось в Сербию, в их числе и сербы, родившиеся за пределами Сербии.

Здесь нет возможности привести подробные данные по всем национальностям и республикам Югославии. На основании цифровых материалов, приведенных на стр. 214—215, нами составлена небольшая табличка, показывающая тенденцию представления основных народов Югославии к переселению из других районов на территорию «своей» республики или из «своей» республики за ее пределы:

Народы*	В тыс. чел.		
	а) Родилось за пределами «своей» республики, но ныне живет в ней	б) Родилось в «своей» республике, но ныне проживает за ее пределами	б/а (в %)
Сербы	325,1	86,3	26,5
Хорваты	132,3	83,6	63,1
Мловенцы	27,2	32,4	118,2
Македонцы	12,1	24,6	203,0
Черногорцы	13,4	40,8	329,0

* Мы не включили в нашу табличку «мусульман» и «югославов неопределившихся», так как статистика этих этнических групп недостаточно четкая, да и прямое отождествление их с коренным населением Боснии и Герцеговины, которую в первом приближении можно было бы считать для них «своей» республикой, все же было бы слишком грубым.

Таблица эта очень выразительна. Она показывает большую притягательную силу главного в стране ареала сербско-хорватского населения, в то время как словенцы, македонцы и черногорцы обнаруживают тенденцию расселяться за пределами своих этнических ареалов. Это особенно относится к черногорцам; около 8% уроженцев Черногории живут за ее пределами (в том числе особенно много — более 7% — в Сербии). В абсолютных же числах в межреспубликанских миграциях особенно велика доля сербов; отмечается особенно большой их приток в Сербию из Боснии и Герцеговины (188,1 тыс. чел.) и из Хорватии (145,0 тыс. чел.). Они оседают главным образом в Шумадии (в частности в Белграде). Продолжается исторически обусловленное усиление сербского компонента в населении Воеводины.

Материалы монографии дают достаточно полную картину миграций и тех народов Югославии, основные этнические ареалы которых находятся за ее рубежами: албанцев, венгров, турок и т. д., а также некоторых народов, живущих дисперсно, например, цыган (интересно отметить, что из 1,4 тыс. цыган, переселившихся из одной югославской республики в другую, 1,2 тыс. чел. были зарегистрированы переписью 1961 г. в Сербии).

К сожалению, в книге сравнительно слабо освещена роль отдельных городов, как центров миграционных потоков притяжения (единственное исключение — Белград), невозможно судить о том, как национальная структура городов влияет на этническую принадлежность вливающих в них переселенцев, а знать это было бы очень поучительно.

Рецензируемую монографию можно рекомендовать всем, кто интересуется этническими процессами Югославии; она будет полезна и тем, кого интересуют теоретические проблемы миграций в условиях многонационального социалистического государства.

В. В. Покишиевский

Kustaa Vilku n a. Die Pfluggeräte Finnlands. *Studia Fennica* 16, Helsinki, 1971, S. 178 (93 иллюстрации + 15 карт).

В конце октября 1972 г. научная общественность Финляндии торжественно отметила 70-летний юбилей известного финского этнографа Кустаа Вилкуна. Ученый систематически занимается изучением пахотных орудий. Его новая работа «Пахотные орудия Финляндии» обобщает исследования автора в этой области¹. Исследования К. Вилкуна базируются на богатых массовых этнографических и лингвистических материалах, накопленных в музеях и архивах Финляндии за последние 240 лет.

Автора интересовали три аспекта развития пахотных орудий: пахотные орудия вообще, традиционные финские пахотные орудия и усовершенствование техники пахоты.

В вводной части работы определяется место пахотных орудий Финляндии среди пахотных орудий всего мира. Финляндия представляет, по мнению К. Вилкуна, крайнюю северную территорию земледелия, периферию, куда пахотные орудия проникали в виде «культурных волн» в разные исторические периоды разными путями.

В книге выдвинуто положение, что развитие пахотных орудий (от разрыхляющего до переворачивающего пласт земли) шло всегда целенаправленно: главной задачей было обрабатывать землю интенсивно и по возможности с наименьшей затратой труда. Это отчасти и служило стимулом создания локальных вариантов орудий. В разных местах, в зависимости от местной природной среды, одни и те же технические вопросы решались по-разному, часто, как говорит автор, «гениально просто».

Большое значение К. Вилкуна придает функции пахотных орудий, выделяя по функциональному признаку две главные группы традиционных орудий: 1) разрыхляющие орудия (рало, Rührpflug), 2) пашущие орудия (соха с полицей, Kehrpfug), что близко к классификации русских традиционных пахотных орудий, данной Дм. Зелениным («черкающие» и «пашущие» орудия)².

В основу типологии финских пахотных орудий К. Вилкуна положил принципы, выработанные Б. Братаничем и Фр. Шахом³. Они в первую очередь учитывали положение и формы рабочей части во взаимосвязи с тремя главными (рабочей, управляющей и тягловой) частями пахотного орудия.

Традиционные пахотные орудия автор разделяет на четыре основные группы: 1) рало без подошвы — *huhtakoukku* (*Haken*), 2) кривоуглядильное рало с подошвой — *aura*, *atra* (*Bogenard*), 3) прямоуглядильное рало с подошвой — *aura*, *aarra* (*Hochard*, *vierseitige Sohlenpflug*), 4) соха с полицей — *sahrat*, *aatra* (*Gabelpflug*).

Самым древним и простым из всех пахотных орудий Финляндии было рало без подошвы (*huhtakoukku*, *koukkari*, букв. подсечный крюк); оно применялось специально для разрыхления земли и запашки семян на подсеке. Это орудие сохранилось еще в конце XIX в. на маленьких подсеках в юго-западной Финляндии (в Варсинайс-Суоми). Встречалось оно и у шведов в провинции Усимаа и у финского населения в Швеции (в Норботтении).

Наряду с подсечным ралом существовал другой тип рала, использовавшийся только для пахоты постоянных полей. Это было кривоуглядильное подошвенное рало (*aura* или *atra*), встречавшееся еще в начале XX в. в двух центрах: на западе Варсинайс-Суоми, в Вакка-Суоми и у шведского населения в провинции Похъянмаа.

¹ K. Vilku n a, Gaffelplogen, «Finskt Museum 1935», XLII, Helsingfors, 1936; его же, Die Pfluggeräte Finnlands, «Vortrag auf dem II Finnougristenkongress in Helsinki am 24.VIII.1965» (Sonderdruck); его же, Aura Suomen kulttuurihistoriassa, «Suomen Akatemia Puhuu», Porvoo, 1968; его же, Aura, vannas ja ojas, «Kalevalaseuran vuosikirja 48», Helsinki, 1968; его же, Varskidor. Ett bidrag till åkerpögingens historia. «Feststrift till Olav Ahlbäck, 28.3.1971», Helsingfors, 1971.

² Д. К. Зеленин, Русская соха, ее история и виды, Вятка, 1908, стр. 10, 11.

³ B. Bratanić, Research on ploughing implements. The Conference in Copenhagen, June, 1, st. 5, st. 1954, «Publications from the International Secretariat for research on the history of agricultural implements. National Museum Copenhagen», I, Copenhagen, 1956; Fr. Sach, Proposal for the classification of pre-industrial tillage implements, «Prameny historie zemědělství a lesnictví», I, Praha, 1966.